

Во дворце наследного принца царила мёртвая тишина, словно он был погружён в печаль.

Вышедшая из Холодного дворца наложница Ли находилась у изголовья кровати Юн Ци, плача изо дня в день. Женщина ещё больше зачихала, чем когда находилась в заточении.

Цин И не могла спокойно смотреть на госпожу, каждый раз уговаривая и умоляя её отдохнуть. Потратив неизвестно сколько сил, она всё же проводила наложницу Ли до боковой комнаты, чтобы женщина ненадолго прилегла на кушетку.

С тех пор как Юн Ци слёг от болезни, были моменты, когда он то просыпался, то снова падал в обморок. Теряя сознание, он висел на волоске от смерти. Иногда его разум прояснялся, и юноша тотчас же начинал отчаянно бороться, рыдая навзрыд и желая увидеться с отцом-императором. Надрывный и скорбный плач привёл к тому, что все люди, находящиеся во дворце наследного принца, потеряли сон.

Цин И, лично уложив наложницу Ли, выпрямилась, и оттого, что перед глазами запестрили цветы, а ноги подкосились, она чуть не упала на пол.

Она понимала, что сама держалась из последних сил, однако была вынуждена потратить ещё больше усилий. Служанка тихо вздохнула. Дойдя до кровати, где лежал Юн Ци, она подозвала служанку Сяо Вэй и велела:

— Я ненадолго отлучусь по делам, а ты хорошенько присматривай за Его Высочеством и ни в коем случае не упускай из виду.

Несколько раз дав наставление, служанка покинула дворец наследного принца.

В углу больших ворот стоял маленький придворный евнух, уже ждавший длительное время. Под порывами ветра он так замёрз, что сжался от холода. Увидев вышедшую Цин И, слуга спешно поприветствовал её и, встав у стены, с кислым выражением лица проговорил:

— Сестрице стоит выходить пораньше, а то я чуть не заоченел от холода.

Цин И понизила тон:

— Где?

Осмотревшись по сторонам и убедившись, что никого нет, евнух вытащил из-за пазухи узелок с чем-то и одной рукой вручил его Цин И, а другую руку вытянул, чтобы заполучить от служанки свёрток серебра. Запихивая вознаграждение, мужчина проговорил:

— Ваш слуга хотел сказать, что это усмиряющее душу лекарство обычно используется во

дворце. Открыто идите и найдите придворных лекарей и только попросите их. К чему сестрице так много хлопот? От того, что мы тайно берём и получаем, у Вашего слуги сердце трепещет от страха.

— Во дворце каждое запрашиваемое лекарство в комнате лекарей подробно записывается в документ. Если бы я могла попросить у придворного лекаря такое большое количество успокаивающего порошка, нужно ли мне было искать тебя? — сделала замечание Цин И, смотря прямо на евнуха. — Получил деньги, иди, не нужно задавать лишних вопросов.

В тот же момент, купив успокаивающий порошок и осторожно держа его за пазухой, служанка отправилась обратно.

Войдя в комнату, она внезапно застыла.

Кровать была совершенно пуста, одеяло было лишь немного откинута, а лежащий Юн Ци исчез. Цин И, охваченная беспокойством, обернулась и, как раз заметив Сяо Вэй, которая несла чай по крытой галерее, спешно подошла к ней и взволнованно спросила:

— Где Его Высочество? Куда ты его дела?

Девушка вытянула шею, заглядывая в комнату, и, внезапно побледнев, промямлила:

— Его Высочество только что проснулся и сказал, что хочет выпить горячего чая...

Цин И взмахнула рукой и тотчас же дала пощёчину, чашечка со звоном упала на пол, разливая горячую жидкость.

— Глупая дрянь! Его Высочество захотел пить, а ты не смогла позвать других слуг, чтобы они заварили чай! Я тебе несколько раз сказала, чтобы ты хорошенько присматривала...

— Цин И, что-то случилось?

Внезапно раздался голос находящейся в соседней комнате наложницы Ли, по-видимому, звон разбитой чашки разбудил её.

Цин И твёрдым тоном проговорила:

— Ничего, государыня.

Не успела служанка договорить, как дверь боковой комнатки со скрипом открылась и вышла высохшая до желтизны наложница Ли. Поглядев на стоящую рядом и получившую пощёчину

служанку, женщина со вздохом произнесла:

— Ругайтесь в месте, где нет посторонних глаз. Такие крики могут разбудить Юн Ци, и что тогда нам делать? — С этими словами женщина направилась в комнату сына.

Цин И вытянула руки, чтобы не дать ей пройти, но не успела: наложница Ли, посмотрев на опустевшую кровать, тотчас же остолбенела и, неожиданно обернувшись, приблизилась к служанке.

— Где Юн Ци? Где Юн Ци?! — звонко крикнула она.

— Государыня, Его Высочество, его... Ваша служанка прямо сейчас отправится его искать.

— Эй, кто-нибудь! Кто-нибудь! Отыщите мне Юн Ци! Найдите его!

— Караульные, что стоят у ворот дворца наследного принца, уже получили приказ государыни не позволять Его Высочеству выходить.

— Скорее ищите! — В огромном дворце тотчас же воцарился беспорядок, каждый сновал туда-сюда, из комнаты в комнату, разыскивая юношу. Не прошло и мгновения, как кто-то выкрикнул: «Его Высочество здесь!» — и наложница Ли, сделав шаг вперёд, помчалась, как сумасшедшая. Цин И, боясь, что женщина поскользнётся, спешно поднялась и готова была отправиться вместе с ней. Выскочив из освещённой луной комнаты, они сразу же увидели юношу, лежащего позади двора в конце задней галереи, в талом снегу, совершенно неподвижного.

— Юн Ци! — Наложница Ли перевернула его и обняла. Тело было лёгким и слабым, что вызывало беспокойство. Его болезнь была сильной, из-за лекарства, в которое ещё подмешивали успокаивающий порошок, он даже сидеть был не в состоянии, однако у юноши неизвестно откуда взялись силы, и, воспользовавшись тем, что никого в комнате нет, он шаг за шагом, держась за стены, добрался до этого места, где в итоге и упал в снег.

— Юн Ци? Юн Ци? — Держа в руках сына, наложница Ли стала растирать ему грудь и руки, всё также не ощущая тепла, женщина непрерывно плакала: — Глупыш, ну куда в такую холодную погоду ты собрался идти? Тебе жить надоело?

Юн Ци приоткрыл глаза и взглянул на женщину. Его зрачки были тёмными и пустыми, он слегка разомкнул губы, но ни один звук так и не сорвался с них.

Однако наложница Ли знала, что он хотел сказать, и, плача во всё горло, начала браниться:

— Отец-император. Ты только и знаешь, что желать встречи с твоим отцом-императором. Ну, встретился с Его Величеством? Если можно было бы взять матушкину жизнь и поменять на

твою, матушка охотно бы пошла бы на это. Однако... однако, если ты расскажешь всё, как есть, а зная характер твоего отца-императора, как он пощадит тебя? Даже если государь не желает твоей смерти, то если Юн Шань выйдет, он с наложницей Шу пощадят тебя? Юн Ци, Юн Ци, ах, ты сам отправляешь себя в пасть тигра. И ты хочешь, чтобы матушка дала тебе на это согласие? Как ты хочешь, чтобы матушка поступила? Ты мой единственный сын. Как мне поступить?

Цин И, смахнув слёзы, с болью проговорила:

— Государыня, тут плач не плач, а погода холодная, Его Высочество этого не выдержит. Давайте сначала вернёмся в комнату.

Несколько надёжных слуг, которых подозвали, сопроводили Юн Ци и наложницу Ли обратно в комнату.

Цин И поменяла мокрую от снега одежду принца и укрыла его одеялом, на которое положила несколько маленьких тёплых грелок.

Полдня волнений с последующим растиранием привели к тому, что Юн Ци стал не таким холодным, как был до этого.

Юноша, уставившись во все глаза, смотрел в пустоту, словно ничего не чувствующий человек. Выражение лица было безжизненным и вызывало печаль.

Цин И вновь убеждала наложницу Ли идти поспать, но как бы там ни было, женщина отказалась. Она сидела у кровати сына, не желая отходить даже на шаг.

Придворные евнухи принесли из комнаты лекарей приготовленное снадобье, от которого всё ещё исходил жар. Цин И вышла, чтобы забрать его, и приказав никому из посторонних не входить, лично отнесла лекарство в покои Его Высочества.

Тёмное лекарственное снадобье наполнило белую фарфоровую пиалу, которая тотчас же нагрелась. Взяв пиалку и подав в комнату Его Высочества, Цин И посмотрела на наложницу Ли, а затем на лежащего на кровати истощённого Юн Ци, который больше напоминал тень, и шёпотом проговорила:

— Государыня, в это лекарство... добавить что-нибудь?

Наложница Ли посмотрела на сына, который напоминал куклу, и боль охватила её. Роняя слёзы, женщина со вздохом произнесла:

— Добавь. Тягостнее смотреть на него такого бодрствующего, чем на спящего. — Всклипнув, женщина вновь холодно произнесла: — Если позволить ему набраться немного сил, он вновь,

ни о чём не думая, начнёт шуметь. Моё сердце будет разбито вдребезги...

Опечаленная Цин И молча повиновалась приказу.

Поставив пиалу на стол, служанка вытащила купленный успокоительный порошок, раскрыла обёрточную бумагу и с помощью ногтя добавила немного средства в лекарство.

Поначалу Юн Ци вёл себя оцепенело, но, когда она приблизилась с пиалкой, внезапно, словно придя в себя, юноша повернул голову, пристально поглядел на неё, а в тёмных глазах появился отражающийся от воды блеск.

В его глазах были скрыты недовольство, страх и словно предсмертная печальная мольба.

Под этим взглядом сердце словно сжали когти, желая раздавить и причиняя нестерпимую боль.

Со слезами Цин И с трудом мягко заговорила, обманывая юношу:

— Ваше Высочество, давайте выпейте лекарство, и тяжёлая болезнь излечится. — Нагнувшись, служанка помогла Юн Ци слегка приподняться.

Пиала коснулась губ, с которых уже давно пропал алый оттенок.

Со страдальческой бледностью Юн Ци коснулся края фарфоровой чаши, дрожа, как листва на ветру.

— Матушка... Матушка... — неожиданно и тихонько позвал он.

После того момента, как он слёг, и всякий раз, когда мог что-либо сказать, Юн Ци неоднократно срывал голос, желая увидеться с отцом-императором, но сейчас, неожиданно позвав матушку, он звучал достаточно спокойно.

Горестно проливающая слёзы наложница Ли услышала это и, охваченная чувством радости и удивления, спешно приблизилась и поддержала сына:

— Юн Ци, Юн Ци, матушка здесь. Детка, чего ты хочешь?

Губы юноши дрожали, спустя долгое время он вновь прерывисто проговорил:

— Матушка, не нужно вынуждать меня пить лекарство... Матушка, умоляю Вас... Умоляю Вас...
— Взгляд был полон мольбы.

Наложница Ли удручённо проговорила:

— Детка, как матушка решится вынуждать тебя? Тебе только и нужно, что осознать свои заблуждения и вернуться на правильный путь. Не стоит втягивать себя в ложную истину Юн Шаня, будь хорошим принцем, и матушка, начиная с этого момента, сделает всё, что ты захочешь.

Лишь услышав имя «Юн Шань», у Юн Ци настроение внезапно изменилось, взгляд пристально смотрящих глаз стал как у человека в годах, что крайне пугало. Тело на мгновение застыло. Внезапно юноша выгнул шею и, глядя на жёлтую черепичную кровлю над головой, надрывно завопил:

— Юн Шань, Юн Шань! Вернись! Вернись!

Услышав это, наложница Ли испугалась. Она поняла, что он ни на йоту не исправим. Приподняв юношу, женщина крепко обняла его:

— Юн Ци, не нужно кричать, прошу тебя, не нужно кричать! — И, взяв носовой платок, наложница Ли прикрыла его губы.

— Вернись! Вернись! Не... не хочу... я не хочу пить лекарство! Я хочу спасти его! Я хочу спасти моего младшего брата...

Цин И засуетилась [1] и, взяв пиалку, влила лекарство ему в рот.

Юн Ци в тяжёлой болезни не мог одолеть даже женскую силу. Задыхаясь и злясь, юноша изо всех сил качал головой, сопротивляясь и не соглашаясь пить. Сделав насильно два глотка, Юн Ци зашёлся в мучительном кашле, тело свернулось, а сам он, рыдая в голос, проговорил:

— Цин И, Цин И... Хватит вынуждать меня...

Его тело было до крайности истощено, каждое сказанное им слово забирало много сил, приводя в дрожь и слабость.

Всхлипывая от слёз, что текли по щекам, Цин И произнесла:

— Ваше Высочество, не нужно упрямиться. Кто вынесет подобные мучения? Если Вы ради Его Высочества Юн Шаня пожертвуете собственной жизнью, как жить государыне? Скорее выпейте лекарство и поспите.

Не в состоянии учесть, у кого низший ранг, а у кого — высший, женщина наступила одним коленом на кровать и, сдерживая Юн Ци, влила ещё тёплого лекарства.

Большое количество жидкости попало в горло, и Юн Ци в одно мгновение задохнулся, вспомнив, что из-за него Юн Шань попал во Дворец Наказаний, только неизвестно, за какое именно преступление. Юноша прекрасно понимал, что может смыть с него все обвинения, только всё было бесполезно, ведь даже с отцом-императором он не мог встретиться. Отчаяние холодом охватывало душу.

Сердце внезапно пробило взрывом, словно горящая лава захлестнула его, мучительная судорога охватила тело. «А!» — жалобно пискнул Юн Ци, резко повернувшись на кровати.

Смешанная с лекарственным снадобьем кровь, которая вышла рвотой, замарала всю постель.

— Юн Ци!

Наложница Ли, вскрикнув от страха, резко вскочила на ноги, перед глазами всё почернело, и она чуть не рухнула в обморок.

Цин И спешно поддержала:

— Государыня, осторожно!

Вдобавок как раз в этот момент за дверью раздался взволнованный голос Хэ Цзюняня:

— Государыня, У Цай по высочайшему указу вместо государя хочет нанести визит, он уже за дверью! Скорее подготовьтесь!

Хоть У Цай был лишь придворным евнухом, тем не менее он был приближённым Огненного императора Янь-ди. Если он, получив высочайший указ, приходил, даже наложница Ли не смела относиться к нему с пренебрежением. Приведя одежду в порядок, женщина вместе с Цин И лично вышла встречать мужчину, а также послушать, что же тот скажет.

Поблагодарив за милость, наложница Ли поднялась на ноги и приказала служанке выйти вперед и, взяв награду в виде корня с вершины Чанбайшань, припрятать её.

Недавно пришедший по высочайшему указу У Цай два дня не навещал ни принца, ни наложницу Ли. Сейчас, глядя на женщину, он заметил, что она истощена, не было в ней того ослепляющего изящества, какое было раньше, и в душе он с удивлением вздохнул: родной сын болен, а матушкины дни лишены покоя. Наложница Ли так много лет жила во дворце, затрачивая большие усилия, терпела страдания, и кто бы мог подумать, что иметь богатство и почести не имеет толка, когда родной ребёнок болен?

Пробыв во дворце довольно длительное время и будучи крайне опытным слугой, У Цай подумал, что пора возвращаться, однако с учтивостью спросил:

— Не знаете, в последнее время здоровье Его Высочества Юн Ци улучшилось?

Наложница Ли, дрожа, покачала головой и тихо вздохнула.

— Император беспокоится за Его Высочество и приказал Вашему слуге обязательно своими глазами посмотреть на него, а вернувшись, подробно доложить о его положении.

У всех во дворце наследного принца были дурные мысли и совесть не чиста. Нежелательно, чтобы У Цай приближался к Юн Ци.

Однако при таком желании никому не следовало выказывать неповиновение, женщине ничего другого не оставалось, как повести евнуха в комнату.

У самой двери Цин И прошептала:

— Его Высочество только что принял лекарство и лёг спать. Управляющий У, ступайте осторожно, чтобы не разбудить.

— Не беспокойтесь, конечно же, я буду осторожным.

В комнате было чисто и изящно, горел блёклый успокаивающий фимиам, недавно испачканные Юн Ци кровью и лекарством простыни уже были заменены на новые, напольная плитка от натирания была чистой и без пылинок.

У Цай, следуя за Цин И, подошёл к кровати, опустил голову, и от увиденного его сердце подскочило.

Ничего удивительного, что красота наложницы Ли исчезла с лица, трудно было представить, что Юн Ци так сильно заболевает.

Слабое дыхание, белые губы.

У укутанного в толстое одеяло человека хоть и сложно было увидеть тело, но лицо и шея были исхудавшими настолько, что можно было заметить кости. Этот осунувшийся, красивый и деликатный юноша был таким хрупким, что, казалось, от одного прикосновения можно было его ранить.

На одеяле лежала рука, пальцы которой были сжаты до побелевших суставов, словно во сне принца также мучили невыносимые страдания.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «руки заняты и ноги путаются», обр. в знач.: «действовать бессистемно, суетиться, торопиться».

<http://bllate.org/book/13372/1189617>